

столько совершенный, что все противоречия уже предусмотрены и заранее решены. И роман Г. Гессе также не является исключением, его очень многое роднит с классическими образцами утопии (греч. *у* – не, нет и *topos* – место, т.е. место которого нет). Касталия – это остров духовной жизни, которому нет места в современном мире. Жизнь людей здесь статична. Они не стремятся к динамике, они играют в Игру, которая является для них не только времяпрепровождением, но и преодолением внутренней однолинейности. Таких людей, как Тегуляриус, друг Иозефа Кнехта (их в Касталии большинство), Игра удовлетворяет. Только Иозеф Кнехт ощущает односторонность этого движения. Он склонен к более серьезным переменам своей жизни. Именно стремления и действия героя Г. Гессе изображают Касталию не как застывшее совершенство, а как непрерывающийся процесс поиска красоты и гармонии. И именно эта особенность, эта идея автора не характерна для других утопических произведений. Г. Гессе вывел Иозефа Кнехта за пределы Касталии с целью внести и преобразить мир, в котором все громче звучат тревожные диссонансы. Кнехт вышел из этой страны, неся в своей душе слова Магистра музыки: «Музыка сближает людей, делает их друзьями».

Писатель романа отдает дань музыке как зачинательнице порядка и единения не только музыкальных звуков, но и людей. Мечта о свободном и счастливом обществе предстает как гармония, которую люди должны неустанно искать и достигать каждый раз заново. Музыка здесь – и основа мировой гармонии, и всеобщий дух культуры.

Источники и литература

1. Гессе Г. Игра в бисер. – М., Художественная литература, 1996.
2. Гессе Г. Избранное. Сборник. – М., Радуга, 1984.
3. Золтан Д. Этос и аффект: история философской музыкальной эстетики от зарождения до Гегеля. – М., Прогресс, 1977.
4. Лейтес Н. С. Немецкий роман 1918-1945. – М., Радуга, 1985.
5. Чередниченко Т. В. Музыка в истории культуры. Вып. 2. – М.: Долгопрудный: Аллегро-пресс, 1994.
6. Хейзинга Й. Homo ludens. – М.: Прогресс-Традиция, 1997.

Берестовская Д.С.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: Восток и Запад

Наше время – рубеж веков и тысячелетий – знаменует собой кризисную эпоху, отличительной особенностью которой является глобальная переориентация ценностных норм и установок, пересмотр культурных смыслов, самой социокультурной парадигмы.

Мы живем в постмодернистском обществе, нередко утрачивая способность отличать реальное от вымышленного. Засилье массовой культуры, кинематографа, всех видов СМИ, их массового тиражирования приводит к выработке нового дискурса – посредством образов, названных «симулякрами» (Ж. Бодрийяр), играющих роль реальности, но ею не являющимися. По словам Бодрийяра, происходит «замена реального знаками реального», в результате возникает мир моделей и симулякров, названный французским философом «гиперреальностью» [6, с. 45].

Подобную мысль высказывает К. Робинс, утверждающий, что мы «живем в мире, в котором образы размножаются, независимо от своего значения и своей функции отсылки к реальному миру. Наше современное существование все больше определяется взаимодействием и договором с образами и симуляциями, которые перестали служить посредниками между нами и реальностью» [цит. по 12, с. 25]. Утрата этого дискурса ведет к потере социального и исторического содержания, лежащего в основании культуры.

В этих условиях особое значение приобретает человеческий фактор, актуализируется проблема характеристик субъектов исторического действия, обостряется необходимость расширения контактов на всех уровнях – от личности до государства. Все более важным становится поиск путей, принципов построения коммуникативного пространства, во всей его многоплановости и многоуровневости, где особую роль выполняет диалог, который в настоящее время приобрел новый смысл и социальную ценность.

М. Бахтин назвал диалог универсальным явлением, пронизывающим не только человеческую речь, но и «все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение... Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, вещи – с ними можно только диалогизировать, общаться...» [1, с. 71]. По мысли Бахтина, человек посредством диалога общается с «текстом» культуры, а через него со всем миром – миром бытия. Само понимание культуры Бахтиным восходит к области диалоговых взаимоотношений, это форма отношения людей разных культур: «...культура есть там, где есть две (как минимум) культуры, и... самосознание культуры есть форма ее бытия на грани с иной культурой» [2, с. 85]. Знаменательно, что В. Библиер, продолживший вслед за Бахтиным исследование проблем диалога, определил диалог как основополагающий концепт культуры, что нашло отражение в определении: культура – это «диалог культур». Утверждая многоаспектность такого феномена, как диалог, Библиер предостерегает от его примитивного понимания только как отдельных видов (научный, бытовой, моральный и т. д.), обращая внимание на то, что в «диалоге культур» речь идет о «диалогичности самой истины» [3, с. 299].

Следует учитывать два самостоятельных направления развития диалога: в социокультурном временном пространстве – диахронное проявление, в социокультурном пространстве – синхронное. Первое направление опирается на анализ историко-культурного уровня общества: ибо даже на небольших временных дистанциях могут быть значительные изменения характеристик среды, информационного поля и т. п. В связи с

этим изменяются ценностные предпочтения, формируется иной уровень самосознания субъектов диалога, условий его осуществления.

В рамках «синхронного характера» диалога выделяется проблема взаимоотношения разных поколений, действующих в едином пространстве. Это диалог субкультур, социальных организмов и, в наибольшей степени, индивидов. Субъект диалога – не просто его участник-носитель, но реально и активно действующий, позиция которого формируется под влиянием многих факторов в их сложном взаимодействии, определяющемся степенью и глубиной индивидуализации и социализации самого субъекта.

Особую значимость приобретает процесс, когда субъект диалога изменяет позиции – отходит от своих аксиологических предпочтений и принимает ценности другого как необходимый в соответствующей ситуации момент, но при сохранении своих внутренних базисных убеждений.

Есть и другой путь: в сложной ситуации столкновения и перекрещивания мнений жестко утверждается позиция одной из сторон, что нередко ведет к конфликтам.

М. Бубер мудро назвал границы возможности диалога «границами проникновения» [4, с. 131]. Это «проникновение» и в свой внутренний мир – «беззвучный разговор души с самой собой» (так Платон называл мышление), это взаимоотношение между «Я» и «Ты», между мною и другим, его необходимо воспринимать «как личность, которой принадлежит и деятельность мышления» [4, с. 150].

Диалог – это взаимопонимание. Из чего оно складывается, на какие аспекты распространяется?

Прежде всего, это социологический аспект. У участников диалога должно быть сознание общности всех со всеми, соотнесенности всех культур.

Во-вторых, это социокультурный аспект, когда каждая сторона общения приобретает социокультурный статус субъекта.

В-третьих, аксиологический аспект: только понимание и осознание ценности другой культуры обуславливает взаимопонимание, взаимное уважение, а не просто «толерантность» (снижательную терпимость).

В-четвертых, психологический аспект, основанный на признании возможности личностного контакта, сопереживания, эмпатии (эмоционального контакта), снятия смысловых барьеров.

Здесь уместно обратиться к высказыванию М. Бубера, причем представляется возможным привести его полностью, не сокращая (настолько важна эта мысль в плане наших рассуждений): «Если мы серьезно утверждаем мышление между Я и Ты, то недостаточно мыслить другого объекта мысли, другого – не вымышленного, а существующего во плоти человека, его конкретность, не другого мыслителя, о котором не хотят ничего знать, кроме мышления, но даже если этот другой и мыслитель, мыслить его не как мыслителя, а как личность, которой принадлежит и деятельность мышления» [4, с. 150].

Проблемы диалога культур усложняются в связи с необходимостью осознания субъективного отношения его участников, с одной стороны, а с другой, – с глубоким осмыслением их позиций как носителей разных культурных традиций, менталитета, культурно-исторической феноменологии.

Следовательно, для того, чтобы диалог мог осуществиться, необходимы различные предпосылки и значимые факторы, такие как: знание определенной системы фактов другой культуры, обладание опытом ее восприятия, оценки, эмоционально-чувственного отношения к явлениям культуры. Участникам диалога необходимо придти к убеждению, что границы, разделяющие культуры, – это лишь грани всеобъемлющей культуры человечества, и иметь в виду, что главное – не наши различия, а то, что сближает и объединяет представителей всех культур на Земле: мы люди, у нас один дом – Земля, вечные ценности – добро и зло (только лишь имеющие разные модификации в различных культурах), у всех людей – одна жизнь, за которую мы все в ответе.

В этом плане символическими представляются рассуждения великого мыслителя современности Д. С. Лихачева об ответственности человека за сохранение культуры, ее гуманистической сущности. С тревогой отмечает он растущее отчуждение современного человека от себя подобных и от окружающей его среды. Ученый сформулировал термин «экология культуры», основанный на его формуле: «Человек строит свой дом – культуру». По мысли Лихачева, неразрывно связаны два явления: «экология культуры» и «нравственная экология», оба они имеют непосредственное отношение к проблеме диалога культур. Ученый полагает, что «убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение экологии культурной» [10, с. 95]. Д. С. Лихачев обосновал «девять заповедей» гуманизма, соблюдение которых можно положить в основу сущности «человека культурного», способного к диалогу с другим человеком, этносом, культурой. Среди них – уважение к идеям и чувствам других людей, сохранение и уважение к культурному наследию, преклонение перед жизнью во всех ее проявлениях.

В наше время сохраняется острота диалога Запад – Восток. Эта проблема возникла в глубокой древности и стала одной из глобальных задач современности.

Запад и Восток – различные социокультурные парадигмы, на протяжении тысячелетий сосуществующие между собой. Это парная категория, которая одновременно характеризует амбивалентное единство культуры человечества и, в то же время, разделенность на принципиально различные друг от друга, а во многом и противоположные модели культурной идентичности. Они одновременно взаимно предполагают и взаимно исключают друг друга, воплощая диалектику единства и множественности культуры как сложного целого. Дихотомия Запад – Восток свидетельствует о дуальной организации и смысловом членении мирового пространства, что отразилось в мифологии различных народов. Семантический «параллелизм», взаимная непереводимость, символическое противостояние Запада и Востока нашли воплощение в политических,

философских, религиозных, художественных и других оппозициях.

Существует несколько подходов к решению проблемы соотношения Востока и Запада. Так, у некоторых мыслителей эта оппозиция принимала форму триады, например, у Г. Гегеля: Восток – античный мир – христианско-западный мир; или у П. Чаадаева, Вл. Соловьева, Н. Бердяева: Восток-Запад-Россия. По-иному представляли это соотношение авторы концепций, поддерживающих точку зрения М. Вебера (исследования западных и восточных религий): Ближний Восток-Китай-Индия-Западная Европа; Р. Генон ввел ценностный элемент в этот ряд: нормальные цивилизации – цивилизации – отклонение и т. п.

Современные типологические схемы, восходящие к М. Веберу, осознают китайскую, индийскую и ближневосточную цивилизации в качестве трех основных и самостоятельных форм культуры и общества, наряду с европейской. Существенно переосмыслен смысл парадигмы «Восток – Запад». Вместо представления об их диалектической взаимосвязи (единство противоположностей) установилось мнение о традиционности цивилизации Востока и отклонении от традиции западного способа цивилизационно-исторического существования.

Исходя из этой концепции, именно «Восток, в широком смысле слова, стал колыбелью мировой Цивилизации и человеческой культуры» [5]. Характерные черты всех локальных социокультурных образований Востока – стремление к сохранению веками выработанной «жесткой нормы», устойчивого социального порядка и сложившихся религиозных и моральных стандартов поведения.

Несмотря на различные интерпретации сущности и роли восточных цивилизаций, можно считать установившимся положение: «в современном мире мы видим, с одной стороны, цивилизации, оставшиеся стоять на традиционных позициях, – таковы цивилизации Востока; с другой стороны – откровенно антитрадиционную цивилизацию современного Запада» [7].

Проблема «Восток-Запад» имеет различные аспекты. В настоящее время все более утверждается мысль о различных путях развития культуры в различных регионах Земли. С этой точки зрения, Восток и Запад – две мощные ветви человеческой культуры, которые развиваются одновременно, но – по-разному.

По мнению многих исследователей, Восток и Запад характеризуются различными типами мировоззрений. Если восточное основано на самоизоляции человека от мира, уходе во внутреннюю духовную жизнь, то западное направлено на познание человеком внешнего мира и активное воздействие на него. В западной философии утверждается идея бытия, в восточной – идея небытия. Истинное знание в западной философии мыслится как постижение истины и логическое ее оформление.

«Восточный ум пренебрегает этой манерой мыслить, считая ее медленной и неартистичной. Он предпочитает путь поэтических оборотов речи и смены фантастических образов. Избрав этот путь, он не нуждается в промежуточных послылках. Тонкие неуловимые изгибы мысли, как бы по мановению волшебного жезла, приводят его сразу к новому яркому представлению, до которого он никогда не мог прийти путем холодного логического рассуждения» [11, с. 51]. Искусство Востока отличается большей недосказанностью, таинственностью, символичностью. Знаменательно, что многие явления западного модернистского искусства навеяны именно Востоком, его символикой, условной образностью. Условность отличает национальные театры Востока. Произведения скульптуры и архитектурные сооружения отличаются яркой декоративностью, утонченностью форм. Своеобразна живопись Востока, например, специфический синтез живописи, графики, поэзии, нет ни прямой, ни обратной перспективы: у художника как бы нет определенного места в мире, он в нем растворен.

Различны и эстетические установки Востока и Запада: восточная этика направлена на созерцательность, консерватизм, аскетизм, в то время как западная – на активность, либеральность, эвдемонизм и утилитаризм. Для Востока характерны строгость поведенческих регулятивов, уважение к обычаям и традициям. Для Запада – стремление к социальному творчеству, ускоренный темп жизни, расшатывание традиций.

В центре европейской (западной) цивилизационной традиции находится человек. По определению М. К. Петрова, это «человек – общество, человек – государство, человек – мировоззрение, действительно целостная личность, свободная и самостоятельная в мыслях, словах и поступках, Одиссей». Знаменательно, что начинают и завершают пути, пройденные европейской духовной культурой, «Одиссея» Гомера и «Улисс» Джойса; «вместе с Одиссеями в европейскую культуру вошли и закрепились в ней рынок и демократия, гражданское общество и свободное личностное мировоззрение» [8, с. 134].

В процессе развития культуры формируются так называемые «этнокультурные стереотипы», характеризующие не только типические черты народа, нации, культурного региона, но и отдельного человека, его представителя. Различают «автостереотипы» и «гетеростереотипы», т. е. представления о своем народе (регионе) и о другом. Автостереотипы влияют на формирование общих взглядов и нормативов поведения. Гетеростереотипы более критичны. Нередко они являются источниками национальных предрассудков и предрассудков («они не такие, как мы, т. е. они хуже нас»).

Так рождаются концепции об уникальности культурного пути какой-либо нации или культурного региона.

В течение долгого времени проблема «Запад-Восток» рассматривалась с позиции европоцентризма, по которой утверждалось, что человеческая культура развивается по единой восходящей линии, и Запад достиг более высокого уровня, чем Восток. По культурфилософской и мировоззренческой установке европоцентризма, Европа, присущий ей духовный уклад являются центром мировой культуры и цивилизации.

Уже в Древней Греции появилось противопоставление Европы и Востока: греки противопоставляли себя персам и другим народам, жившим восточнее Греции. В это понятие вкладывали не только географическое значение; это было противопоставление эллина и варвара, «цивизованности» и «дикости». Этот

взгляд впоследствии стал традиционным. Уже в XX веке О. Шпенглер оценил эту идею как бессмысленную [15, с. 22], его поддержал К. Леви-Стросс [9, с. 130]. Но идея эта жива, последовательную ее разработку осуществил Э. Трёльч [14, с. 608], который заявляет о необходимости борьбы с желтой расой, об угрозе возможных варварских вторжений в Европу.

В наше время особое значение приобретает америкоцентризм, рассматривающий Америку как цитадель совершенно новой культуры, как Новый Свет, новое культурное пространство, как принципиально иной мир.

Современный америкоцентризм поддерживается концепцией «модернизации мира», что служит основой для утверждения необходимости западного (в основном, американского – имеется в виду США) образа жизни, западной демократии, своеобразного панамериканизма.

Проблема соотношения культур Запада и Востока не остается неизменной в связи с исторической изменчивостью культурно-смысловых границ между ними. Существует определенная периодичность сменяющих друг друга тенденций: национально-культурного изоляционизма, автономизации или культурно-цивилизационной интеграции, открытости культур друг другу; борьбы, соперничества или взаимообогащающего диалога.

Особенно напряженными, острыми оказываются отношения Запада и Востока в так называемых пограничных культурах. Сюда следует отнести ряд республик бывшего Советского Союза (в том числе Украину и, что особенно важно для нас, крымчан, – Крым), страны Ближнего Востока, Балканы и др. В некотором смысле подобные пограничные культуры представляют большую степень сложности, чем Запад и Восток, взятые в отдельности. Передко национальные, нравственные, религиозные, мировоззренческие, эстетические ценности, сформированные в процессе исторического развития, не сводимы к духовным ценностям других народов, не переводимы на языки иных культур. Особенно остро эта проблема проявляет себя в поликонфессиональных регионах (столкновение христианских и мусульманских ценностей происходит сегодня едва ли не повсеместно). Положение усложняется тем, что различные этносы и нации, представляющие разные конфессии, ведут совершенно бесперспективные, но, несмотря на это, жестокие (до взаимных столкновений) споры об «особых» правах «коренного этноса». Происходит то, что А. Мальгин (директор Крымского краеведческого музея) назвал «кризисом родины»: трудность разделить свою родину с другими, каждый из которых стремится доказать свое исключительное право на историческую и культурную память.

Но если невозможно слияние разновекторных культурных миров, то возможно и необходимо образование многоуровневой и многоаспектной системы, своеобразие и особая ценность которой будет во взаимопроникновении, взаимопонимании, диалоге и полилоге этнических, национальных, региональных культур.

Диалог как феномен культуры только тогда будет иметь смысл, когда каждый его участник будет адекватно реагировать на своего собеседника, представителя иной концепции, иных нравственных и религиозных ценностей, иных этнокультурных стереотипов. Дихотомия «Запад – Восток» является необходимым компонентом культурной рефлексии, предостерегая участников диалога от неправомерной унификации различных культурных миров, от стремления свести их к единому знаменателю или, что еще опаснее, не только подчинить один другому, но и уничтожить, установив господство «более сильного». Так формируются различные формы тоталитаризма, являющиеся итогом специфического преломления и интерпретирования парадигмы «Запад-Восток».

Предотвратить эту опасность могут люди, исповедующие истину, основанную на необходимости взаимопонимания, уважения к иным культурам, способные к диалогу и полилогу в сложном многоплановом мире.

Источники и литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1972.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 2000.
3. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М., 1990.
4. Бубер М. Диалог // Два образа веры. – М., 1999.
5. Васильева Л.С. История религии Востока. – М., 1983.
6. Гараджа А.В. Критика метафизики в неоструктурализме (по работам Ж. Дерриды 80-х годов) – М., 1989.
7. Генон Р. Кризис современного мира. – М., 1991.
8. Культурология. Под ред. Г.В. Драча. – Р.-на-Д., 2003.
9. Леви-Стросс К. Печальные тропики. – М., 1984.
10. Лихачев Д.С. Русская культура. – М., 2000.
11. Маккован Дж. Китайцы у себя дома. – СПб., 1910.
12. Массовая культура: современные западные исследования. – М., 2005.
13. Пелипенко А.А., Яковенко И. Г. Культура как система. – М., 1997.
14. Трёльч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. – М., 1995.
15. Шпенглер О. Закат Европы. – М., 1993.